

О доверии зову События

Научный руководитель – Маслов Евгений Сергеевич

Ковинько Полина Алексеевна

Студент (магистр)

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казань, Россия

E-mail: kovinkosha@gmail.com

Исходным пунктом наших рассуждений является мысль о том, что между путешествиями мифических и сказочных персонажей и жизнью повседневного человека можно усмотреть существование тесных связей. В исследовании Дж. Кэмпбелла «Тысячеликий герой» путь главного действующего лица рассматривается как «процесс становления и развития личности, достижения ею полноты и целостности бытия» (Кэмпбелл, 1997, 8). А отечественный ученый Вл. Пропп через изучение структуры волшебной сказки приходит к тому, что цель этого пути - принятие героя членами его общины и получение им нового социального статуса [4]. Итак, оба автора говорят о фундаментальных для жизни человека действиях и, несомненно, современные люди тоже проходят подобные «обряды инициации», пусть и в других формах. Но суть неизменна - это всегда столкновение с Событием. У нас есть гипотеза о том, что в сказках и мифах проблема взаимоотношения человека и События выходит на передний план. Проблемы и ситуации, описываемые там, отражают переживания и страхи целых народов и содержат универсальные рецепты для действия. Подобный путеводитель мог бы помочь современному человеку лучше разобраться в себе, ретроспективно понять, с какими Событиями ему приходилось иметь дело и что это может дать для дальнейшего преобразования.

Событие как феномен становится объектом особого интереса философов лишь в двадцатом веке. Однако столь малого количества времени оказалось достаточно для того, чтобы оценить его сложность и «многослойность». С целью обозначить границы части проблемного поля, которое мы видим вокруг События, приведем цитату А. Секацкого из работы «Щит философа»: «Событие это, как и все подлинное, катастрофично; чтобы оно состоялось, нужно выйти из-под присмотра, набраться дерзости . . . и устремиться в бегство» (Секацкий, 2016, 125). В этой формулировке содержатся два важных для нас аспекта интересующего феномена: катастрофичность и идея бегства.

Исследователи мифологических или сказочных повествований традиционно начинают с поиска источника того, что побуждает героя отправиться в путешествие. Как правило, поводом оказывается экзистенциальная проблема, вызванная бедой или недостатком. Непосредственно герою или кому-то из его окружения перестает хватать в обыденном мире какого-то важного элемента, происходит осознание или факт утраты. Затем к герою, если беда случается не с ним, обращаются за помощью или приказанием вернуть пропажу. Далее главный персонаж стоит перед выбором соглашаться ли на противодействие с бедой или нет и только за этим покидает дом (или остается) [4]. Эти элементы, так подробно разобранные Проппом, у К. Воглера объединяются в один, называемый «зовом к странствиям». Важный момент в том, что именно благодаря потере образовывается «пустое пространство», через которое в жизнь героя может просочиться зов со стороны События. Примерно эту же мысль мы можем найти у исследователей нарративов, например, у Ц. Тодорова. Лишь там, где возникает неудовлетворенность или нарушается исходное равновесие сил, может появиться возможность для трансформации [7]. Итак, герой отправляется в бега.

Вот только, как считает А. Бадью, одного отклика на зов странствий недостаточно. «Событие - это только предложение. Все будет зависеть от того, как будет подхвачена эта возможность, предложенная событием, как она будет проработана, встроена в мир, развернута в нем» (Бадью, 2013, 17). Нам видится, что здесь определенно заложена идея того, как важен факт доверия героем тому, что с ним происходит. Из доверия рождаются и старания работать над реализацией События.

Еще один важный аспект События, который мы отметили у А. Секацкого - катастрофичность. Оказавшись перед выбором вступать ли в противоречие или нет, герой оказывается в ситуации, когда неизвестность впереди внушает «тревогу и растерянность» (Воглер, 2018, 158). Его наполняет ни с чем не сравнимая гамма чувств: риск, страх и любопытство перед возможным взаимодействием с миром особенных сил, интерес к тому, что находится по другую сторону (мир мертвых, безумие, абсурд). Катастрофа связана и с тем, что она коренным образом поменяет устоявшиеся у человека схемы поведения и мышления. В идеале изменится отношение сознания к миру вообще. В. Руднев пишет так: «Для того чтобы происходящее могло стать событием, оно должно стать для личности — носителя сознания чем-то из ряда вон выходящим, более или менее значительно меняющим его поведение в масштабе либо всей жизни, либо какой-то ее части» (Руднев, 2007, 53). Что, если не доверие, руководит человеком, вступающим на территорию непредсказуемых и неизведанных происшествий? После такого путешествия герой уже не останется тем же. Трансформации произойдут вне зависимости от того получит он то, чего не доставало в начале пути или нет. Ведь встреча с тем, что по ту сторону произошла, так как случилась открытость (доверие) зову События. А возможность встать на путь к себе, открыть «свободу жить» и есть самая большая награда.

Источники и литература

- 1) Бадью А. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью. М., 2013.
- 2) Воглер К. Путешествие писателя. Мифологические структуры в литературе и кино. М., 2018.
- 3) Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. М., 1997.
- 4) Пропп Вл. Морфология сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В. Я. Проппа). М., 1998.
- 5) Руднев В. Философия языка и семиотика безумия: Избранные работы. М., 2007.
- 6) Секацкий А. Щит философа: избранные эссе. СПб., 2016.
- 7) Тодоров Ц. Поэтика // Структурализм: "за" и "против". М., 1975. С. 37-113.